

Анастасия НАРЕЙКО

Каменец, Брестская область

Родилась в 1986 году в городе Молодечно Минской области. Поэт. Прозаик. Журналист. Ответственный секретарь газеты «Навіны Камянеччыны». Член Союза писателей Беларуси. Автор сборника стихов «Магдэбургскае права маёй душы» (2013), ряда публикаций в периодических изданиях. Лауреат республиканских конкурсов, литературной премии Брестского областного исполнительного комитета имени Владимира Колесника (2017).

ДО СКОНЧАНИЯ ВРЕМЁН

Срубленное дерево не успеваает попрощаться со своими корнями. Оно запоминает только холодное, острое касание топора, а потом — ничего. У дерева нет времени думать о корнях. У него — свой путь. И ещё неизвестно, какой лучше: стать шкафом, книгой или живым огнём. Во всяком случае, выбор не за деревом. А корни? Корни помнят своё дерево до скончания времён...

Я приехала первая в тот холодный осенний день, села на лавочку, усыпанную красными кленовыми листьями, и спрятала холодные руки в карманы пальто. Рядом со мной стояла большая дорожная сумка, полная подарков для мамы и старшей сестры. Ленка должна была приехать следующим автобусом.

Когда он подкатил, кряхтя, к остановке, уже вечерело. На пронизывающий ветер вышла только одна пассажирка — мы обнялись.

Мамин дом встретил нас дрожащим жёлтым огоньком в окне кухни. Ленка входила первой, я — следом, и обеим было неловко, стыдно из-за того, что так редко заглядываем, что за работой и семейными заботами забываем позвонить... Мама никогда не попрекала ничем, но это всепрощение тяготило больше, чем самая искренняя обида.

— С днём рождения!

Мама поднялась навстречу нам с влажными от слёз глазами, в тщательно отутюженном старом праздничном платье.

Поцелуи, пожелания, угощения и подарки. Горячий чай с творожным пирогом, который всегда так хорошо удаётся маме, а у нас с Ленкой то не поднимется, то подгорит. Разговоры... Говорим обычно мы: про работу, мужей, детей... А она внимательно слушает, печалится и радуется, иногда смахивает слезинку, приговаривая: «Как жаль, что папы нет с нами...» Семь лет уж нет.

А потом мы листаем старый фотоальбом, устроившись на диване — мама посередине. Её руки, тёмные, как земля, осторожно переворачивают страницы и тонкую бумагу между ними. Моих фотографий здесь — множество, а Ленкина одна. Нам интересно, почему так, но мы не спрашиваем, ведь мамино лицо белеет, если даже одним неосторожным словом затронуть эту тему. Так и сегодня. Ленка сама как можно быстрее старается перевернуть страницу со злополучным снимком, но мама вдруг не позволяет этого сделать. По моей коже пробегает мороз. Предчувствие?

Мама осторожно вынимает из пожелтевших уголков Ленкину фотографию и проводит дрожащим узловатым пальцем по неровно обрезанному краю.

Я чувствую, как трудно ей начать, и поэтому спрашиваю:

— На этом снимке был кто-то ещё?

Мама вздрагивает.

— Кто? — Ленка не может сдержать волнения.

— Ваша сестра. Зоя.

Мы не можем произнести ни слова, и мама начинает свой рассказ.

— Тогда была война, детки. Когда она началась, тебя, Мария, ещё не было на свете, а ты, Лена, только-только отпраздновала свой второй день рождения. Однако был он не только твой, но и её — Зоин. Она была старше на пять минут и полная твоя копия. Отец ваш ушёл на фронт, а я

осталась с близнецами в наполовину сожжённом фашистами доме. Писем так и не дождалась, но верила, искренне верила, что жив мой Михаил. Вот и не ошиблась. Бог каждому даёт по вере его. Между тем наступала первая военная зима. У меня оставался один мешок муки — и всё. Ночами, положив детей спать, я думала, как жить дальше, но, кроме головной боли, такие раздумья ничего не давали. Кошунственная мысль о том, что с одним ребёнком продержаться ещё можно, не появлялась тогда в моей голове. Я клянусь, Лена! Но... Пришёл он. Павел. Полицай, который после исчезновения Михаила начал заигрывать со мной, но получил от ворот поворот. Пришёл и предложил страшную вещь — отдать одну из девочек в приют для сирот, что открывался в городе. Там обещали присматривать, одевать, а главное — кормить. Я выгнала Павла, но потом... решилась. «Так спасу обеих», — успокаивала я себя. Оставалось только выбрать. Но как? Вот судьба и решила всё за меня. Я загадала: какая из вас первой заплачет ночью, ту и отдам. Павел отвёз Зою в город, а я проводила её как в последний путь, словно знала.

— Ты искала её, мама? — Лена внимательно всмотрелась в своё (и Зоино тоже) личико на фото.

— А как же? И я, и Михаил. Приют эвакуировали. Вот и всё, что мы смогли узнать. Я была слаба. Я не только не рассказала об этом вам, я ещё и фотографии все сожгла. Боюсь своей вине в глаза взглянуть.

— Не надо! — мы обняли маму с двух сторон.

— Теперь мне легче... — мама положила голову на плечо Лены.

Так мы и сидели, представляя себе Зою, которая живёт сейчас где-то (что живёт, мы не сомневались), работает, растит детей и ничего не знает о нас. А за окном ветер швырял под ноги одиноким путникам пригоршни красных кленовых листьев. Они больше не вернутся на свои ветви.